

Искандер захватывает руса-демона. Ширазская школа, 1483/84.

Изображения русских в памятниках восточной книжной иллюстрации довольно многочисленны и хорошо известны. Почти все они, однако, связаны не с реальными историческими событиями, а с мифологическими походами Александра Великого, или, как называли его по-арабски на Востоке, Искандера Зулькарнайна, т.е. Двурогого. Собственно «Двурогий» – прозвище коранического персонажа, которому Аллах дал великую власть и отправил в дальние походы на запад и на восток. На западе он дошёл до места, где солнце заходит в «зловонный источник», и среди живших там людей наказал плохих и облегчил жизнь хорошим. На востоке он дошёл до места «между двумя преградами», где жили люди, едва понимавшие речь. Они были готовы платить «Двурогому» дань, чтобы он защитил их от Йаджудж и Маджудж (библейские Гог и Магог), «которые распространяли нечестие на земле». «Двурогий» с помощью Аллаха построил между двумя горами стену, щели в которой залил расплавленным металлом. Йаджудж и Маджудж не могли ни сломать её, ни перелезть через неё. Сам великий строитель предрёк, что накануне конца света эта стена обратится в прах, а заключённые за ней Йаджудж и Маджудж вырвутся на свободу.

Коранический Зулькарнайн отождествлялся с несколькими персонажами доисламской истории, но чаще всего с Александром Македонским, вероятно, из-за его изображений на монетах в виде воплощения рогатого бога Юпитера-Амона.

Этот образ в сочетании с другими рассказами цикла легенд об Александре воплощён в поэме выдающегося пер-

Илья Владимирович Зайцев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

сидского поэта конца XII–начала XIII в. Низами «Искандер-наме» (1201). Великий завоеватель Искандер, рассказывается в поэме, отправился в поход в Китай, где до него дошла весть, что несметные полчища русов напали на Азербайджан, разграбили его, а царицу страны Нушабе захватили в плен. Искандер спешит в бой. Момент встречи двух армий изображает, например, индийская миниатюра могольской эпохи «Искандер и войско русов» (ок. 1585–1590) из «Хамсе» («Пятерицы», включающей поэму «Искандер-наме») Низами (1201). Рисунок принадлежит кисти Намана. Другая иллюстрация к тому же произведению Низами изображает Искандера, захватывающего руса-демона (Шираская школа миниатюры, Аккоюнлу, ныне хранится в Стамбульском дворце-музее Топкапы). Никакого отношения к реальному историческому русским эти изображения, понятно, не имеют. На одной из гератских миниатюр русы изображены даже с тёмной кожей, похожими на *зинджей* (так арабы называли чернокожих невольников – выходцев из Африки).

Однако в некоторых манускриптах, пожалуй, всё же можно найти некоторые правдивые этнографические детали. Так, в одной рукописи «Хамсе» (Бухара, 1648) есть несколько миниатюр, иллюстрирующих сюжеты, связанные с «русами»: побеждённый рус приводит Искандеру кра-

савицу-китайянку Нистандарджихан; сражение витязя из войска Искандера с русом; русы выпускают на бой неведомое существо (демона); Искандер заарканивает руса. На всех этих миниатюрах художник сделал попытку передать особенности костюма русов (у «демона» это вполне «русский» кафтан мехом внутрь), головных уборов, цвета волос, фасона бород (у воинов волосы и бороды русые или рыжие, усы не висячие, а «европейские») и т. д. В Бухаре в середине XVII в. уже очень хорошо было известно, как выглядят настоящие русские (приток невольников с севера был постоянным). Страшный дикарь-рус, которого Искандер взял в плен, но потом, обласкав, щедро одарил и отпустил, склоняется перед владыкой, преподнося ему дары:

*Ещё изреченье не смолкло владыки,
Как гость у престола склоняется дикий.*

*Явившись внезапно у царских дверей,
Он чёрных подносит царю соболей, –*

*И мех у лобого и шкурка добра,
И каждый из них совершенней бобра.*

*Но только лишь принял подарок властитель, –
Из глаз его скрылся тотчас посетитель;*

*В ночи он растаял, как вышел оттуда,
И всё в нём владыку дивило, как чудо.*

Представление о русском царе как обладателе дорогих мехов можно найти даже гораздо позже, например в произведении османского поэта XVIII в. (ум. 1768/9) Хашмета (или Хишмета, как правильно по-арабски произносится его имя). Его прозаический труд «Ихтисаб-уль-мулюк» («Служба владык») – панегирик османскому султану Мустафе III, описывает видение, которое удостоился лицезреть автор в ночь восшествия этого султана на престол. Поэт словно очутился на обширной равнине, где цари земные оказывают честь новому османскому повелителю и испрашивают разрешения прислуживать при дворе. Распределение обязанностей среди царей отражает, конечно, устойчивые представления осман-интеллектуала об окружающих империю народах. В видении Хашмета йеменский имам служит султану *кофбишенком* (вспомним, что с кофе османы познакомились благодаря исламским мистикам, пользовавшимся южноарабским кофе как допингом для мистического опьянения), китайский богдыхан – хранителем фарфорового дворца, голландский король –

**Искандер и войско русов.
Могольская Индия, 1585–1590.**

Искандер заарканивает руса. Бухара, 1648.

Поединок Искандера и руса. Бухара, 1648.

главным садовником (вспомним, что тюльпан, излюбленный цветок турок, особенно в начале XVIII в. – в так называемую эпоху тюльпанов, именно из Османской империи попал в Голландию), король Англии отвечает за пороховой склад (Англия ведь крупнейшая военная держава), а русский царь должен быть назначен придворным меховщиком.

Что знали о русских в Османской империи в XVI в.? Скорее всего, очень мало. Несмотря на огромный приток рабов-славян на рынки Стамбула (они попадали туда через крымскую Кафу – Феодосию) и несмотря на довольно интенсивный торговый оборот между двумя странами, оба народа представляли друг друга в духе старых стереотипов и мифов. Словом «русский» (*urus* на многих тюркских языках) обозначались не собственно русские в нашем понимании этого слова, а скорее православные подданные Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, т.е. предки современных украинцев и отчасти белорусов. Подданных московского великого князя, а потом и царя долгое время называли *москов*, т.е. «московиты».

Османские источники почти не сохранили следов какой-либо ярко выраженной враждебности по отношению к русским. Некоторые агрессивные пассажи османских литературных памятников XVI в. но-

сят слишком абстрактный и общий характер, чтобы на их основании делать вывод о далеко идущих военных намерениях Стамбула. Так, в жизнеописании султана Сулеймана «Менакыб-и Султан Сюлейман» Эйюби говорится о мощи Сулеймана, которому будто бы подчинены «русские, татары с Молдавией, Египет, Сирия с Караманом». Русские воины якобы участвуют вместе с венгерскими, испанскими и немецкими в Белградской битве (1521). Здесь, вероятно, имеются в виду православные подданные Великого княжества Литовского. Собственно «московиты» упоминаются в этом памятнике лишь вскользь в разделе «О храбрости Султана Сулеймана»: Сулейман «сокрушительным ударом величественной сабли разорвал московиту грудь». Действительность была гораздо спокойнее. За весь XVI в. Московское великое княжество и Османская империя непосредственно столкнулись едва ли не однажды – в 1569 г., во время злополучного для османов Астраханского похода.

Еще одна «встреча» произошла через 14 лет после этого. И до нас дошли изобразительные памятники, фиксирующие эту встречу. Некие русские изображены на миниатюре со сценой битвы из «Шуджа'т-наме» Асафи-паши (1586) – эпической поэмы-*месневи* на турецком языке, посвященной подвигам Осман-паши Оздемир-

оглу, полководца эпохи султана Мурада III (1574–1595), отличившегося в войне с персами (1578–1583). Получив приказ наказать Мухаммед-Гирея, Осман-паша из Дагестана направился в Крым. В пути на армию Осман-паши напали русские отряды, главным образом казаки. Столкновения продолжались несколько дней. Осман-паша с большим трудом форсировал Терек и ушёл от преследования, однако казаки подожгли степь, тем самым лишив турок фуража. В верхней части рисунка, изображающего бой русских с османами на реке Сунжа (1583), показан сам Осман-паша, выезжающий из-за горы вместе со своей свитой. Османские воины стреляют в русских из-за реки, часть из них переправляется на другую сторону. Русские (над изображением которых проставлена надпись «русские неверные») показаны на правой стороне реки под прикрытием низкого и редкого кустарника стреляющими из огнестрельного оружия в османов. Внешний вид «русских» на этой миниатюре очень напоминает изображения татар в османском

изобразительном искусстве. Это объяснимо: казаки в одежде очень многое заимствовали у своих соседей – крымских татар и ногайцев.

В XVII в. ситуация немного изменилась. По отношению к другим народам османские (и крымские) хронисты не стеснялись, рифмуя этнонимы этих народов с уничижительными эпитетами: *казак* – *акк* (упрямый, строптивый), *рус* – *менхус* (приносящий несчастье, гибельный), калмык – *калмук* – *бед махлюк* (зло сотворённый).

Османская империя была не единственным великим исламским государством, в котором бывали русские люди – купцы, дипломаты, паломники, искатели приключений, агенты и другие. Мощным соседом османов с востока был Иран, объединённый с начала XVI в. под властью династии Сефевидов.

В 1963 г. Ахмет-Заки Валиди Тоган (известный востоковед, по происхождению башкир из России, живший долгое время в Турции) в одной из своих работ упомянул о средневековом портрете русского посла

Побеждённый рус приводит Искандеру красавицу-китайку. Бухара, 1648.

при Сефевидском дворе, который он обнаружил, занимаясь миниатюрами стамбульских библиотек. Согласно Тогану, эта миниатюра хранилась в музее дворца Топкапы. Насколько мне известно, позднее знаменитый востоковед в своих работах к этому портрету не обращался, ограничившись лишь указанием на его существование.

Благодаря счастливому случаю именно эта миниатюра была опубликована в 1976 г. в Стамбуле в альбоме по истории исламской миниатюры. Однако, теа метогиа, никакой реакции эта публикация не вызвала. Между тем, рисунок заслуживает более пристального внимания, прежде всего со стороны российских историков и востоковедов. Обратимся к источнику.

Рисунок размером 19,3 x 9,2 см занимает один лист в альбоме, хранящемся в музее Топкапы под номером 2155. На коричневой бумаге изображён во весь рост мужчина с посохом. У него седая борода, на голове меховая шапка, он одет в длинную красную рубаху и кафтан с меховой опушкой и шестью рядами застёжек. Надпись над печатю шаха Аббаса по верхнему краю поля гласит, что рисунок сделан по просьбе шаха и изображает русского посла. На печати дата – 995 год хиджры (он начался 12 декабря 1586 г., а закончился 1 декабря 1587 г.). Портрет выполнен, возможно, в Казвине – одном из центров миниатюрной живописи Ирана.

Попробуем определить, кто изображён на миниатюре. Первая сохранившаяся посольская книга по сношениям России с Персией хранится в Российском государственном архиве древних актов (ф. 77) и охватывает как раз интересующее нас время – с 1588 по 1593 г. Открываются записи с отправления в Персию из Москвы посланника Анди-бека, посла Г.Б. Васильчикова и подьячего А. Монастырёва (1588–1589). Интересующая нас книга была издана в 1890 г.

Ираном правил тогда младший сын шаха Ходабендэ – Аббас, который взошёл на трон Сефевидского государства 7 мая 1587 г. Новому шаху, который до этого управлял Хорасаном, едва исполнилось 16 лет (он родился в Герате 27 января 1571 г.). Шах был очень волевым и жестоким человеком, обладал незаурядным талантом государственного деятеля, целеустремленностью и энергией.

Однако отождествлению изображённого на портрете именно с Васильчиковым препятствует как будто бы дата печати. Во-первых, учитывая, что Аббас до 7 мая 1587 г. не был шахом, а 995 г.х. закончился

1 декабря того же года, дату печати на рисунке можно ограничить рамками между этими двумя датами. С другой стороны, Г.Б. Васильчиков прибыл в Гилян в начале сентября (8 или 12 числа) 1588 г., т.е. через год (26 июня он прибыл в Астрахань, задержавшись там на месяц). Однако, как мы знаем, довольно часто устаревшая печать продолжала еще долгое время служить владельцу. Дата на печати становилась как бы указанием на время её изготовления.

10 октября 1588 г., выдержав ряд притеснений со стороны гилянских властей, Васильчиков выехал в Лахиджан, а 14 октября в сопровождении Монастырёва и Кабанова посетил Ахмед-хана, фактически независимого владельца Гиляна из семьи Сейидов Маляти. Второе свидание состоялось 16 числа. 26 октября посольство выехало из Лахиджана, а 3 ноября из Лянгура в Казвин – столицу Аббаса.

11 ноября 1588 г. русского посланника приветствовал в селении Саман в 6 верстах от Казвина представитель шахского двора «Магмут Салтан», как указывается в «Статейном списке». Сам Аббас тогда находился в Хорасане, где воевал «против недруга своего Бухарского Абдулы царя...». Лишь 26 января 1589 г. Васильчиков с подьячим и толмачом выехал на встречу с шахом в Исфахан на трёх лошадях и 7 подводах. Русских было 12 человек, их сопровождали десять иранцев.

В Исфахан посольство прибыло 18 февраля. Уже 22 февраля его посетили важные гости – Ферхад-бек (исфаханский «воевода»), черкес по происхождению и «шахов дворянин» Камбар-бек. Однако 8 марта 1589 г. пристав Улу Али заявил Васильчикову, что Аббас из Хорасана проследовал в Казвин. Вслед за ним отправился туда и Васильчиков (23 марта).

Почти настигнув шахскую процессию, посланник въехал в Казвин 6 апреля, и уже 9 числа состоялась аудиенция у шаха. После подачи грамоты, речей и предъявления положенных подарков («поминков») русского посланника пригласили «к столу», от чего Васильчиков отказался ввиду христианского поста (однако, несмотря на это, «стол» был в тот же день прислан на подворье посольства). Вечером того же дня Васильчикова пригласили к шаху «на потеху», которая свелась к тому, что посланник ходил «по рядом гулять» (т.е. по базару). До этого шах спрашивал его «о здоровье».

19 апреля состоялась первая беседа посланника с Ферхад-ханом Караманлу (доверенное лицо Аббаса в 1588–1597 гг., глав-

Русский посол при дворе шаха Аббаса. 1587.

нокомандующий шаха; не путать с исфаханским Ферхадом). И уже 14 мая состоялась отпускная аудиенция посланника: к нему приехал пристав Хосейн Голоу-бек «с шаховым жалованьем, с платьем... привёл под Григорья аргмак во всём наряде, седло и узда и поперсть ковано серебром, золочено, с камнем... да на Григорья положил два платна золотных», т.е. кафтаны, вытканые

золотом. Кроме этого, шах подарил Васильчикову «тесму шелкову с золотом».

Таким образом, едва ли не единственным временем, когда Васильчикова могли в Персии нарисовать, оказывается период его вторичного пребывания в Казвине (6 апреля – 14 мая).

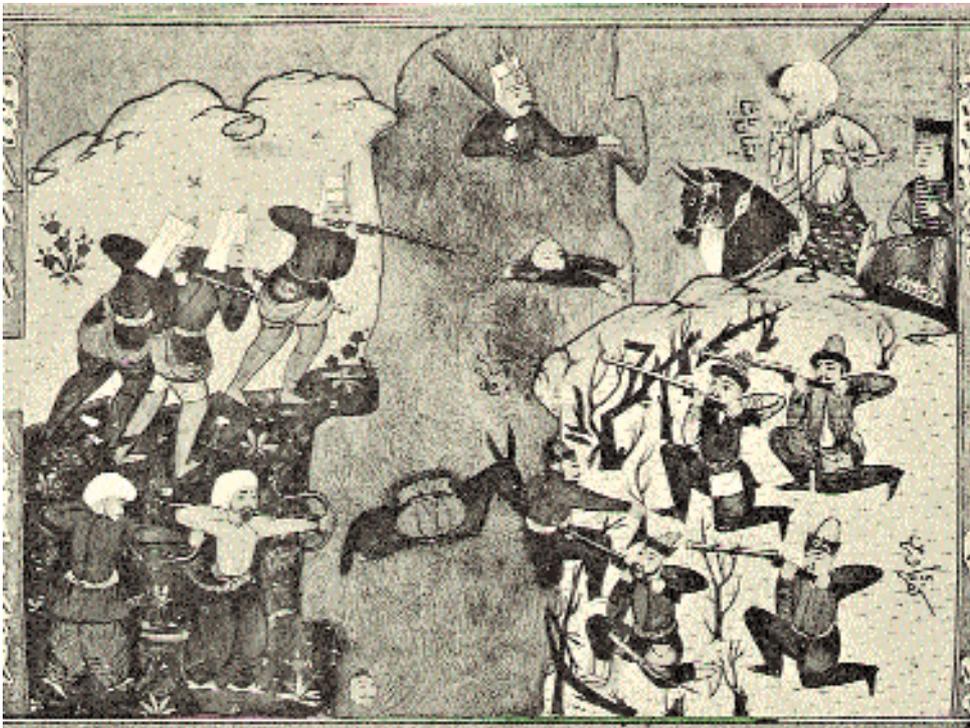
Основная задача Г.Б. Васильчикова состояла в установлении дружественных

отношений с шахским двором и ведении предварительных переговоров о заключении военного соглашения против Турции. Персидская миссия Васильчикова именовалась «лёгким посольством»: сам он числился в ранге посланника, а не великого посла (в начале своей карьеры Григорий Борисович вообще был приставом, т.е. обслуживал иноземных дипломатов в Москве). Несмотря на такой «лёгкий» статус, посольство состояло из 50 человек, включая обслуживающий персонал и охрану. Помимо посланника, в посольство входили упомянутый выше подьячий Афанасий Монастырёв, два толмача – Шостак Иванович Кабанов и Юрий

Тенишев, два московских купца (по дороге к посольству пристало ещё два купца), юртовский атаман, 20 стрельцов и слуги.

В иранской и османской средневековой миниатюрной живописи довольно много изображений европейцев – неизвестных людей и исторических персонажей. Художники то создавали обобщённые образы иностранцев, то рисовали вполне конкретного человека. Портрет Васильчикова – единственное известное мне изображение реального московского дипломата средних веков в иранской миниатюре, да, пожалуй, и вообще в изобразительном искусстве стран исламского Востока.

Битва «русских неверных» с войском Осман-паши в 1583 году на р. Сунжа. Турция, 1586.

Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М., 1976. РГБ: Б 76-9/15; 16.

Полякова Е.А., Рахимова З.И. Миниатюра и литература Востока. Эволюция образа человека. Ташкент, 1987. РГБ: ИЗО.

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Издано под редакцией Н.И. Веселовского. Т. I. Царствование Фёдора Иоанновича. СПб, 1890. РГБ: XXIV 102/8.

Çağman F., Tanindi Z. Islamic Miniature Painting. Istanbul, 1979.

Edhem F., Stchoukine I. Les Manuscrits Orientaux illustrés de la Bibliothèque de l'Université de Stamboul. Paris. 1933. РГБ: 827-87/672-0. Islamic Painting and the Arts of the Book by B.W. Robinson, E.J. Grube, G.M. Meredith-Owens, R.W. Skelton. With an Introduction by Ivan Stchoukine. L., 1976. РГБ: МК.

Stchoukine I. La Peinture Turque d'après les Manuscrits illustrés. Paris. 1966. РГБ: V 228/1.

Togan Z.V. On the Miniatures in Istanbul Libraries. Istanbul, 1963.